

П Р И В А В Л Е Н І Я

къ

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

4

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 4

КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ПЯТИСОТЛѢТНЮ

ОСНОВАНІЯ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКАГО УСПЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ
(1397—1897 г.).

Въ 1397 г. прибыли съ Москвы въ северную область Бѣла-озера два старца: одинъ архимандритъ Симонова монастыря Кирилль, другой—постриженный той-же обители инокъ Ферапонтъ. Мало блуждали они по дикимъ и пустыннымъ мѣстамъ Бѣлозерья, наконецъ остановились на берегахъ Севернаго озера и здѣсь на одномъ изъ его острововъ, горой вдавшемся въ глубокія воды, выбрали себѣ мѣсто для пустынножительства. Водрузивъ святой крестъ въ мѣстѣ поселенія, святые отшельники начали жить предъ иконою Божіей Матери Одигитрии, которую святой Кирилль принесъ съ собою, отпѣли въ честь Пречистой Богоматери канонъ. Тогда преподобный Кирилль открылъ своему спутнику, что онъ еще въ старости Симону монастырѣ, когда молился предъ иконою Божіей Матери Одигитрии, въ чудномъ видѣніи узрѣлъ вышнее ими мѣсто и слышалъ голосъ Пречистой Дѣвы, повелѣвающій ему поселиться въ странахъ Бѣла-озера. Вторично поклонивъ Бога и Пречистую Богома-

терь, оба принялись за устройство палатки-шалаша, которую связали изъ древесныхъ вѣтвей, и затѣмъ подъ дикими соснами въ крутомъ извалѣ холма начали рыть земляную пещеру. Но вскорѣ, по общему совѣту, святые пустытники различились другъ отъ друга: преподобный Ферапонтъ, отошедъ поприщъ пятнадцать, вселился въ своей пустынь, изъ которой возникъ Ферапонтовъ Рождественскій монастырь; преподобный же Кирилль остался подвизаться близъ Северскаго озера одинъ среди лѣсовъ въ вырытой имъ пещерѣ. Иногда только приходили къ нему два сосѣдніе крестьянина, приносили потребное, помогали ему въ работѣ и уходили, укрѣпившись его наставленіями.

О вновь появившемся пустынникѣ и его подвигахъ слава быстро распространилась по окрестнымъ странамъ и достигла отдаленныхъ предѣловъ. Уединенная пустыня стала наполняться пришельцами съ разныхъ сторонъ. Первыми явились къ святому отшельнику пустынножителямъ два ипока Симонова монастыря:

приходили и изъ другихъ монастырей; являлись также міряне съ просьбами о постройкѣ. Святой Кирилль, испытывъ желающихъ остаться, принималъ. Вскорѣ для церковныхъ нуждъ собравшейся братіи небольшая часовня стала недостаточна, потребовалась церковь, которая и была сооружена въ честь Успенія Божіей Матери. Игуменство въ возникшемъ монастырѣ принялъ на себя преподобный Кирилль и ввелъ въ своей обители строгій общежительный уставъ.

Такъ начался и пошелъ знаменитый Кирилло-Бѣлозерскій Успенскій монастырь.

Какъ прибылъ преподобный Кирилль на Бѣло-озеро *), тому скоро исполнится пятьсотъ лѣтъ. Трудно современному человѣку перенестись въ стародавнія времена, чтобы у сѣдой старины выпытать смыслъ этого давно минувшаго событія. Но мы на время оставимъ его, выйдемъ на болѣе широкое поле современныхъ ему происшествій. Открывшійся кругозоръ позволитъ намъ лучше всмотрѣться и дать намъ возможность достойнѣе оцѣнить его.

Въ XIV вѣкѣ получилъ начало среди русскаго народа тотъ государственный строй, который превратилъ ничтожный Московскій удѣлъ въ обширную и могучую Россійскую имперію. Тогда Московскіе государи ясно выразили свое стремленіе собрать подъ свою твердую руку раздѣлившуюся на удѣлы Русь и сбросить съ нея татарское иго и, при дѣятельномъ пособіи представителей Церкви, начали свое великое дѣло. Къ нему съ сочувствіемъ отнесся весь русскій народъ. Однимъ изъ первыхъ подпалъ Москвѣ Бѣлозерскій удѣлъ. Князь Іоаннъ Калита († 1341 г.) купилъ въ немъ нѣсколько волостей; на полѣ Куликовомъ палъ Бѣлозерскій удѣльный князь Ѳеодоръ Рома-

новичъ съ сыномъ († 1380 г.), что дало возможность князю Димитрію Іоанновичу Донскому († 1389 г.) считать себя верховнымъ владѣтелемъ Бѣла-озера, помимо другихъ Бѣлозерскихъ князей. Внукъ князя Ѳеодора Бѣлозерскаго, князь Константинъ Ивановичъ, удалился недовольнымъ въ Новгородъ, чтобы поискать своей отчины подъ великимъ княземъ Василюмъ. Предводительствуя Новгородскою ратью, онъ выжегъ старый городъ, ограбилъ его волости (1393 г.), но не могъ добиться своего удѣла. Въ 1398 г. на Бѣлоозерѣ были уже Московскіе намѣстники, которые тогда съ Бѣлозерскими князьями дали откупъ и полонъ Новгородскимъ воеводамъ, взявшимъ старый городъ на щить. Въ этомъ-же году или годомъ ранѣе, во исполненіе духовнаго завѣщанія Донскаго, вступилъ во владѣніе Бѣлоозеромъ его младшій сынъ князь Андрей, до какого времени оно находилось въ управленіи Юрія, послѣдняго удѣльнаго князя Бѣлозерскаго. Съ этихъ поръ Бѣлоозеро навсегда осталось за Московю, а мелкіе Бѣлозерскіе князья (Бѣлосельскій, Андожско-Вадьбольскій, Сугорско-Кемскій, Карголожско-Ухтомскій) безропотно подчинились верховенству великаго Московскаго князя *).

Внѣшняя исторія собиранія Руси Московскими князьями ясна для всѣхъ, но внутреннія силы, двигавшія ея, часто ускользаютъ отъ вниманія изслѣдователей. Многіе въ этомъ великомъ дѣлѣ ничего не хотятъ видѣть кромѣ тѣхъ бьющихъ въ глаза пріемовъ, которыми частію сопровождалось присоединеніе Бѣлозерскаго удѣла. Но тогда Москва ничѣмъ бы не разнилась отъ татарской орды и не была бы святою Русью. Не одною силою и находчивостію Москва собрала подъ себя раздробленную удѣлами рус-

*) Такъ старину называлась сѣверо-восточная часть Новгородской губерніи, ея Череповскій, Кирилловскій и Бѣлозерскій уѣзды. Эта область, одна изъ древнѣйшихъ въ составѣ русскіхъ земель, послѣ Синеуса, брата Рюрика, управлялась княжими мужами, и въ 1238 г. въ лицѣ князя Глѣба, сына Василья Константиновича, замученнаго татарами въ плѣну послѣ битвы на рѣкѣ Сити, получила отдѣльнаго князя и оставалась въ его родѣ до присоединенія къ Москвѣ.

*) Послѣ князя Андрея († 1432 г.) Бѣлозерскій удѣлъ перешелъ его сыну Михаилу († 1485 г.) и еще при жизни послѣдняго, вслѣдствіе договора съ великимъ княземъ Іоанномъ III, былъ окончательно уничтоженъ, навсегда ставъ одною изъ областей Московскаго государства. Какъ бы въ ознаменованіе этого, въ новомъ городѣ, т. е. нынѣшнемъ Бѣлозерскѣ, было тогда заложено земляное укрѣпленіе, нынѣ существующее.

землю: на ея сторонѣ была нравственная мощь, безъ которой сила оружія и сила ума ничтожны.

Въ половинѣ XIV столѣтія среди русскихъ людей—именитыхъ и простыхъ—обнаружилось церковно-общественное движеніе. Оно, будучи по своимъ задачамъ далеко мірскихъ цѣлей, легло однако въ основу зарождающагося Московскаго государства, давъ ему нравственныя силы для возрастанія и борьбы съ врагами. Мѣстомъ первоначальнаго зарожденія его была Московская земля. Послѣ татарскаго погрома, подъ тяжелымъ хозяйничаніемъ на Руси дикихъ ордынскихъ полчищъ, общественная жизнь и вѣра русскихъ людей въ себя и въ свою родину упали; она пришла въ разстройство и церковная жизнь. По русской землѣ разосталось уныніе, и безотчетный страхъ предъ грознымъ татаринѣмъ не давалъ воспрянуть покинувшей Русь бодрости.

Такъ шло до половины XIV вѣка, а съ этого времени замѣтны признаки оживленія. Появляются люди, которые, оставивъ міръ, вселяются въ лѣса, вдали отъ многолюдныхъ мѣстъ, и здѣсь въ тиши предаются молитвамъ и подвигамъ благочестія. Поселившійся отшельникъ, за святыню своей жизни, вскорѣ дѣлается извѣстнымъ, и около него собирается кружокъ любителей пустынной жизни. Всѣ они, смиривъ свои страсти, безпрекословно подчиняются одному игумену-отцу. Подъ ихъ руками вѣковые лѣса падаютъ, дикія мѣста засѣваются злаками. Пустыня привлекаетъ многихъ людей, которые иной разъ изъ отдаленныхъ краевъ идутъ послушать слова утѣшенія отъ праведника и посмотрѣть, какъ устроена жизнь на божескихъ началахъ. Отъ добрыхъ людей стекаются вклады, строятся церкви и такъ созданъ монастырь—охрана древняго благочестія и просвѣщенія. Во кругъ возникшей обители стекаются пришлые люди и подъ защитою ея и при ея содѣйствіи пустынный мѣста густо заселяются. Пустынникъ игумень становится силой: его знаютъ при великокняжескомъ дворѣ, слушаютъ его совѣтовъ, посылаютъ въ монастырь дары, даютъ ему зе-

мельные вклады и ограждаютъ особыми преимуществами возникшую обитель и ея владычій.

Начало этому движенію положилъ преподобный Сергій Радонежскій и оно чрезъ него и чрезъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго распространилось во всѣ концы сѣверо-восточной Руси.

Что Московскіе государи съ ихъ вѣрными слугами примыслили къ своей державѣ оружіемъ и умомъ, то пустынные подвижники мощію своего нравственнаго вліянія силотили въ одинъ русский народъ, дали ему одну душу и одни вѣрованія, вдохнули въ него бодрость нести тяжесть государственнаго бремени.

Въ Бѣлозерскій край новыя порядки русской жизни и новыя ея чаянія впервые были занесены за нѣкоторое время до основанія Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Около 1360 г. преподобный Сергій Радонежскій былъ въ Ростовѣ, чтобы поклониться своимъ роднымъ святынямъ, и тогда благословилъ двухъ подвижниковъ Павла и Θεодора основать на рѣкѣ Устьѣ въ 18 верстахъ отъ города Ростова монастырь на подобіе Сергіева. Впослѣдствіи преподобный Θεодоръ, передавъ игуменство своему сотруднику Павлу, удалился въ Бѣлозерскіе края и здѣсь на берегахъ рѣки Ковжи близъ Бѣлаго озера основалъ Николаевскій Курдюжскій монастырь. Въ это-же время преподобные Θεодосій и Аванасій, ученики преподобнаго Сергія, создали „въ Череповсѣ“, на берегахъ Шексны, Воскресенскій монастырь. Но это были только предтечи великаго подвижника; не они, а преподобный Кириллъ создалъ обитель, которая сосредоточила въ себѣ общественно-государственную и духовно-аскетическую жизнь края, и широко распростерла свое благотѣльное вліяніе, которое съ честью поддерживала она цѣлыя столѣтія.

Источникомъ силы монастырей по уставу преподобнаго Сергія является введенное въ нихъ общежитіе. Оно первоначально на Русь было внесено преподобнымъ Θεодосіемъ Печерскимъ, но съ времени ослабѣло, такъ что къ 14 вѣку

всѣ монастыри стали особножительными, гдѣ каждый инокъ имѣлъ свою келью, жилъ въ ней сообразно своимъ потребностямъ на свои средства и по своему усмотрѣнію распредѣлялъ свою духовную жизнь. Здѣсь не было братства, а были только иночествующіе. По благословенію Константинопольскаго патріарха и при содѣйствіи святителя Алексія, митрополита Московскаго, преподобный Сергій возобновилъ на Руси забытое общежитіе *).

Въ Кирилловой обители былъ введенъ ея святымъ основателемъ строгій общежительный уставъ, изъ котораго впервые дѣлаются извѣстными порядки общежитія сѣверо-восточныхъ русскихъ монастырей. Иноки обители составляли изъ себя одну духовную семью во главѣ съ игуменомъ-отцемъ, распредѣлявшимъ ихъ жизнь. Святой авва каждому назначалъ послушаніе по его силамъ и умѣнію и всѣ, слѣдуя за игуменомъ, одинаково со всѣми несущимъ тягость труда, съ одушевленіемъ работали для Бога,—не для себя, а на всю братію, въ пользу святой обители Пречистой Дѣвы: кто занимался рукоесломъ, кто работалъ въ иолѣ, кто шелъ на монастырскія службы—въ хлѣбню, поварню, на трапезу, или несъ послушанія келаря, казначая, или въ церкви пономаря клирошанина, священника. Въ помощь игумену для духовнаго руководства братіей были особые старцы, крѣпкіе житіемъ и опытные въ духовной жизни, которые имѣли у себя подъ надзоромъ вновь поступающихъ и неискусныхъ въ иноческой жизни, а въ помощь игумену по управленію хозяйственною частію въ монастырѣ были старцы, которые впоследствии стали извѣстны подъ именемъ соборныхъ. Общежительный монастырь—это духовная община, сосредоточившая въ себѣ всѣ лучшія стороны крестьянскаго міра. Миръ—этотъ исконный укладъ общественной жизни русскаго народа, пройдя черезъ горнило евангельскаго ученія, здѣсь возведенъ былъ на

доступную высоту для человѣческаго сожительства.

При дѣйствіи такихъ порядковъ обители, преподобный Кирилль, собравъ „множество ученикъ“ около себя, своимъ примѣромъ и наставленіемъ воспиталъ изъ нихъ многихъ, которые сдѣлались основателями монастырей, и надолго утвердилъ чрезъ оставшихся въ обители за нею первенствующее вліяніе на жизнь иночествующихъ сѣверо-восточной Руси. Имена этихъ подвижниковъ извѣстны всему православному міру, но мы напомнимъ ихъ здѣсь для славы св. отца.

Кромѣ преподобнаго Ферапонта († 27 мая 1426 г.), давшего начало Ферапонтова и Можайскому монастырямъ, собесѣдникомъ преподобнаго Кирилла былъ еще преподобный Діонисій Глушицкій († 1 іюня 1437 г.), основавшій два общежительныхъ монастыря въ Вологодскомъ краѣ. Этотъ святой мужъ, будучи постриженнымъ Спасо-Каменнаго монастыря, что на островѣ Кубенскаго озера, примкнулъ къ новому иноческому движенію и съ общежительными порядками ближе всего познакомился въ обители преподобнаго Кирилла къ которому на собесѣдованія приходили изъ Глушицкихъ пустынь. Это—собесѣдники; но вотъ ученики Бѣлозерскаго аввы, имъ воспитанные: преподобный Савватій Соловецкій († 27 сентября 1436 года), преподобный Мартианъ Бѣлозерскій († 12 января 1483 года), преподобный Александръ Ошевенскій († 20 апрѣля 1489 г.), преподобный Игнатій Ломскій († 28 декабря 1491 г.). Всѣ они, оставивъ Кириллову обитель, внесли порядки ея въ самые отдаленные предѣлы сѣверо-восточной Руси. Хранителями же преданій преподобнаго въ самомъ монастырѣ остались его ученики. Четверо изъ нихъ были преемники его игуменства, именно Иннокентій († 1427 года), Христофоръ († 1434 г.), Трифонъ († 1447 г.) и Кассіанъ († 1469 г.), а иные, каковы, напримѣръ, иноки Германъ, Досіеѣй, Игнатій, пребывая простыми старцами, твердо и неуклонно блюли порядки обители, установленные святымъ основателемъ ея. „Всѣ они, свидѣтель-

*) Голубинскій Е. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра. Сергіевъ посадъ 1892 г., стр. 20—27.

однимъ изъ очевидцевъ обители первой половины XV вѣка, уподобляясь (т. е. преподобному Кириллу) и имѣя въ своихъ сердцахъ, не допускали людямъ безчиннымъ презорливымъ, которые не хранили и уважили въ пренебреженіи преданія святого Кирилла. Объ этомъ всегда они заботились не только по отношенію къ почитателямъ, когда видѣли что-либо сошпавшееся не по обычаю отеческихъ преданій, стропотно и развращенно. Приличность этихъ старцевъ такъ была велика къ преданіямъ преподобнаго Кирилла, что они, потерявъ надежду склонить игумена къ соблюденію устава обители увѣщаніями наединѣ и соборно, бѣжали изъ монастыря и возвратились на родину. Когда князь, услыхавъ о томъ, удалялъ самого игумена. Подъ воздѣйствіемъ столь крѣпкихъ житіемъ иноковъ возрастало духовно въ Кирилловѣ монастырѣ преподобный Нилъ Сорскій († 7 мая 1508 г.), преподобный Иннокентій Комельскій († 19 марта 1511 г.), преподобный Корнилій Комельскій († 1537 г.), а также же нѣкоторое время жили и назывались порядками преподобный Иосифъ Волоколамскій († 9 сентября 1515 г.), блаженный Феодоритъ, просвѣтитель козельскій. Подъ вліяніемъ Кириллова монастыря въ окрестностяхъ его во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ возникло не малое число пустынекъ, изъ которыхъ однѣ возвысились до монастырей. Эти пустыни населены были иночествующими, извѣстными подъ именемъ „бѣлозерскихъ старцевъ“, или „заволжскихъ“, и считавшими своимъ отцемъ духовнымъ преподобнаго Кирилла. Лучшими представителями этихъ подвижниковъ были преподобный Зосима Ворбовомскій, преподобный Нилъ Сорскій съ его ученикомъ Ниломъ и Діонисіемъ и другіе. Въ лицѣ преподобнаго Нила Сорскаго бѣлозерскіе старцы нашли своего лучшаго выразителя.

Однимъ изъ обычныхъ и любимыхъ занятій иноковъ Кириллова монастыря было писаніе книгъ и чтеніе ихъ ради

душевной пользы. Свидѣтелями этихъ трудовъ еще и доселѣ въ монастырѣ хранятся шестнадцать книгъ, называемыхъ „чудотворцевыми“, т. е. изъ бібліотеки преподобнаго Кирилла. Образецъ любви къ писаніямъ подавалъ самъ преподобный. Будучи просвѣщеннымъ челоѣкомъ своего времени, онъ самъ занимался труднымъ дѣломъ списыванія книгъ— (нѣкоторыя изъ 16 писаны, по преданію, самимъ преподобнымъ) и даже составлялъ собственныя писанія; таковы—его посланія къ князьямъ. Онъ также заботился, чтобы иноки его обители знали грамоту. Когда пришелъ къ нему въ монастырь преподобный Мартиніанъ, будучи отрокомъ, преподобный Кириллъ отдалъ его въ книжное наученіе монастырскому дьяку, котораго дѣло было обучать грамотѣ, и по обученіи самъ испыталъ его. Изъ писателей книгъ времени преподобнаго Кирилла извѣстны Христофоръ, Мартиніанъ, Феогностъ. Накопленіе книжныхъ сокровищъ продолжалось и послѣ кончины преподобнаго. Не довольствуясь книгами, обращающимися на Руси, нѣкоторые изъ Кирилловскихъ иноковъ, наиримѣръ Нилъ Сорскій, ходили на Востокъ въ Царь-градъ, на Аѳонъ, завязывали связи съ южно-славянскими землями, гдѣ всыхнуло предъ вѣковыми порабощеніемъ ихъ турками умственное оживленіе, и оттуда выносили новыя книги. Такъ составилось въ Кирилловѣ одно изъ лучшихъ и обильныхъ книгохранилищъ древней Руси. Сокровища его мало еще изучены и доселѣ привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей и любителей старины*. Значеніе его въ древности было велико. Для челоѣка того времени грамотность можно было получить или отъ духовныхъ лицъ—священника, дьяка церковнаго или отъ особыхъ „мастеровъ“, лицъ мірскихъ; но чтобы достигнуть верха возможнаго въ тѣ времена просвѣщенія нужно было идти въ монастырь и тамъ чрезъ „книжное почитаніе“ усвоить себѣ весь запасъ знаній. Въ Кирилловскомъ

* В настоящее время бібліотека Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря находится въ С.-Петербургской духовной академіи.

книгохранилищъ содержались всё тѣ писанія, которыя для людей XIV—XVII вѣковъ служили опорой въ ихъ дѣятельности на пользу Церкви и государства и въ которыхъ они черпали свои силы и знания.

Широтѣ духовно-просвѣтительнаго вліянія пресподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго и его обители вполне соответствуетъ ихъ общественно-государственное значеніе.

Преподобный Кирилль вселился въ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ никто еще до него не обиталъ. Потому для первоначальнаго жилья и для необходимыхъ хозяйственныхъ потребностей долженъ былъ святой подвижникъ своими руками дѣлать расчистки. Среди такой работы однажды чуть не придавило его упавшимъ деревомъ, когда онъ легъ подъ него утомленный отдохнуть; другой разъ огонь зажженной имъ подсѣки-горы окружилъ его, грозилъ погубить святого отца пламенемъ и дымомъ. Недружелюбно встрѣтило на первыхъ порахъ Московскаго выходца и окружающее населеніе. Одинъ изъ сосѣдей хотѣлъ поджечь келію преподобнаго, другой посылалъ лихихъ людей отъ себя, чтобы разграбить возникшій монастырь. Но Божіе заступленіе и Пречистой Дѣвы хранило святого отшельника. Великіе подвиги преподобнаго, его святость въ жизни, назиданіе и помощь, которую онъ оказывалъ нуждающимся, снисхожденіе къ обидающимъ скоро привлекли сердца окружающихъ. А когда слава о великомъ подвижникѣ распространилась, когда возникъ въ лѣсахъ Сиверскаго озера монастырь, стали стекаться въ земли обители, пожертвованныя ему великой княгиней Евдокіей и ея сыномъ княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, съ разныхъ сторонъ поселенцы и чрезъ малое время мы уже видимъ вокругъ монастыря многочисленныя селенія, обитаемая земледѣльцами, устроившимися при помощи и подѣ кровомъ монастыря. Власти мірскія ввели въ нихъ гражданское устройство и церковное. Здѣсь наяву мы видимъ тѣ силы, которыя сплотили русскій народъ, раздѣленный удѣлами и областными особенно-

стями, въ одно могучее государство; здѣсь мы видимъ наглядный примѣръ, какъ Москва склонила сердца народа на свою сторону; здѣсь мы видимъ тѣ начальныя ячеи, изъ которыхъ составила въ одну державу святая Русь: въ срединѣ монастырь-община подѣ управленіемъ игумена-отца, а кругомъ его крестьянскіе міры, созерцающіе свое идеальное устройство въ порядкахъ обители-общины.

Преподобный Кирилль, родомъ Московичъ, выросъ и воспитался въ Москвѣ среди лицъ близкихъ къ Московскому государю; среди ихъ-же онъ провелъ свои зрѣлыя года до постриженія въ монашество и послѣ вступленія въ монастырь до своего отбытія въ Бѣлозерскій край не покидалъ съ ними сношеній. Понятно, что судьбы Московскаго государства и его государя ему были дороги, какъ своей родины, и что онъ хранилъ у себя тѣ взгляды на устройство русскаго православнаго царства, которые были выработаны лучшими людьми того времени и были усвоены служилымъ кругомъ великаго Московскаго князя. Лучшими выразителями этого новаго направленія явились — съ одной стороны преподобный Сергій Радонежскій, съ которымъ преподобный Кирилль велъ нерѣдкія бесѣды, а съ другой — воспитатель и родственникъ будущаго Бѣлозерскаго подвижника, пріютившаго его въ своемъ домѣ какъ сироту, Тимофей Васильевичъ Вельяминовъ, окольничій Московскаго князя и воевода. Одинъ своею духовно-правственною мощію, другой ратными подвигами и думнымъ совѣтомъ служили возвышенію Московскаго государя и строительству и собиранію подѣ его главенствомъ Русской земли.

Древность мало сохранила прямыхъ указаній о непосредственномъ участіи преподобнаго Кирилла въ государственныхъ дѣлахъ, но, благодаря его писаніямъ, его взгляды на государственное строительство для насъ ясны и доселѣ полны живою, не погибающей правды.

„И ты, государь, писалъ святой авва Бѣлозерскому удѣльному князю Андрею Дмитріевичу, смотря того: властелинъ ты

отчинѣ отъ Бога поставленъ, государь людей своихъ отъ лихого обычая унижати. Судь-бы, государь, судили праведно, какъ предъ Богомъ право; покलोंъ бы, государь, не было; подметовъ-бы, государь, не было; судьи бы, государь, посуловъ не брали, довольны-бы были уроки своими... И ты, государь, смотри, чтобы кормчи въ твоей вотчинѣ не было, такъ какъ это великая, государь, нагуба душамъ: которые, государь, себя пропиваютъ, а души гибнуть. Также, государь, и мытовъ бы (т. е. заставъ, таможенъ) у тебя не было бы: это, государь, сборы не праведные; а гдѣ перевозъ, государь, тутъ пригоже дать за трудъ. Также, государь, разбоя-бы и воровства въ твоей вотчинѣ не было и, если не уймутся отъ злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаніемъ, чѣго будутъ достойны. Также, государь, унимай людей подъ собою отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, потому что то все прогнѣвляеть Бога. А крестьянамъ, государь, не лѣнься управы давать самъ... а отъ упивань-бы есте унялись... сами бы есте, государь, ко церкви ходить не лѣньились, а въ церкви стойте со страхомъ и трепетомъ... бесѣды не твори и не глаголи". Московскіе государи, почувствовавъ свою силу и сочувствіе къ ихъ дѣлу русскаго народа, въ разгарѣ борьбы за преобладаніе съ удѣльными князьями не разбирали средствъ и не щадили отдѣльныхъ личностей. И вотъ Бѣлозерскій отшельникъ бесстрашно напоминаетъ Московскому великому князю Василию Димитріевичу (1389—1425 г.): „якоже великія власти сподобился еси отъ Бога, толикимъ большимъ воздаяніемъ долженъ еси“, увѣщаваеть хранить себя въ добрыхъ дѣлахъ, имѣть „миръ святыню, безъ нея-же никто-же узритъ Бога“, возненавидѣть всякую власть, влекущую на грѣхъ, вспоминать надежду будущаго вѣка, царство небесное, радость святыхъ, веселіе съ ангелы, надо всѣмъ же зрѣніе пресладкаго лица Божія. Это письмо-послание относится къ исходу 14 или началу 15 вѣка, когда между великимъ княземъ и его дядьми по матери

князьями Васильемъ и Семеномъ Димитріевичами была великая распря за Нижегородско-Суздальское княжество. „Ты, государь, писалъ святой авва, свою правду сказываешь, а они свою; и въ томъ, государь, межъ васъ крестьяномъ кровопролитіе великое чинится... Слышалъ естъ, что доселѣ были у тебя въ нужи, да отъ того ся, государь, и возбранили. И ты, государь, Бога ради покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ татарскихъ странахъ да тамо бы не скончались“. Но сочувствіе святого покоилось на сторонѣ Московскаго государя, потому что онъ своимъ прозорливымъ умомъ видѣлъ, что въ усиленіи и расширеніи по русской землѣ власти его лежитъ залогъ силы и возрастанія русскаго народа. Такъ, преподобный отказался принять въ своемъ монастырѣ велико-княжескаго брата Юрія, который не хотѣлъ признать старшинства надъ собою сына великаго князя Василія. „Бога ради, не моги того учинить, что ты къ намъ ѣхать, писалъ святой Кирилль князю Юрію, поину, государь, и монастырь да и ступлю прочь, куда Богъ наставитъ“.

Уваженіе и вѣра къ преподобному Кириллу Бѣлозерскому столь были велики у Московскихъ князей, что они по его блаженной кончинѣ призывали его наравнѣ съ преподобнымъ Сергіемъ, ихъ молитвами скрѣпляли свои договоры. «А хто (изъ) насъ порушитъ, пишется въ грамотѣ 1448 года, и наше докончанье..., на томъ на виноватомъ не буди милости Божіи и Пречистой Его Богоматери и молитвъ великихъ чудотворцевъ святителей Николы, Петра, Леонтія и преподобныхъ старцевъ Сергія и Кирилла *)».

Стонами святого отца слѣдовали и преемники его—игумены Кириллова монастыря. Со смертію великаго князя Василія Димитріевича (1425 г.) происки его дяди Юрія, съ цѣлю отнять столь отъ своего внучатнаго племянника князя Ва-

*) Договорная грамота князя Ивана Андреевича Можайскаго съ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ 1448 года въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 1., № 68, стр. 152.

силія, стали очевидными, возникли между князьями столкновѣнія военныя. Кирилловскій игумень Христофоръ выкупалъ плѣнныхъ. Князь Юрій, тронутый великодушемъ игумена, два раза приглашалъ его къ себѣ на духовную бесѣду, но каждый разъ получалъ отказъ. Междоусобная война дошла до крайнихъ предѣловъ, когда со смертію князя Юрія († 1434 г.) ею сталъ руководить честолюбивый сынъ Юрьевъ князь Димитрій Шемяка. Этотъ князь хитростно плѣнилъ и ослѣпилъ великаго князя Василя Васильевича (въ 1446 г.), самъ занялъ Москву, а природнаго ея государя сослалъ на Вологду (1447 г.). Недолго побывши здѣсь, великій князь отправился со своими приближенными въ Кирилловъ монастырь на богомолье, чтобы накормить братію и раздать милостыню. Съ честью принявъ его игумень Трифонъ, со своею братіею, благословилъ его и дѣтей его на великое княженіе и освободилъ князя слѣнца отъ невольной клятвы, сказавъ: «тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи головахъ, что еси цѣловалъ крестъ и крѣпость далъ князю Дмитрію». Услыхавъ объ этомъ, многіе бояре, дѣти боярскіе и простые люди стали стекаться къ князю Василю Васильевичу. Государь слѣпецъ, предводительствуя вѣрными ему людьми, двинулся чрезъ Тверь на Москву и быстро занявъ прародительскій столъ (декабря 25). Это событіе имѣло великое значеніе въ судьбахъ русскаго народа: съ этихъ поръ Московскій столъ навсегда безспорно укрѣпился за сыномъ государя.

Но испытанія русскаго народа не кончились. Государственный строй, выработанный жертвами народа и трудами его государей, въ началѣ XVII вѣка послѣ прекращенія царственнаго рода великаго князя Іоанна Калиты, подвергался тяжкому испытанію. Наступило на русской землѣ лихолѣтье—смутное время. Смута распространилась по всему русскому государству; надвигались на него, пользуясь шатаніемъ умовъ на Руси, и внѣшніе враги—поляки и шведы, завлаивались подвластные инородцы. Кирилловъ монастырь, твердо помня завѣты старины,

дѣятельно сталъ за вѣру, русскій народъ и царскую власть. Игумень и братія „за домъ Пречистыя Богородицы и за чудотворцевы мощи и за все православное крестыянство стояли, и ворамя (т. е. мятежникамъ) и воровской смутѣ не вѣрjali и по городамъ о крѣпленіи писали и многіе мѣста укрѣпляли“. *) Дѣятельность Кириллова монастыря на пользу государственности въ особенности проявилась во время вторыхъ самозванцевъ, когда русскіе люди своею вѣрою особенно стали неустойчивы. Но вотъ, послѣ многихъ лѣтъ смуты, русскій народъ на соборѣ въ Москвѣ избралъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, при чемъ грамоту избранія подписалъ и Кирилловскій игумень Матѳей. Теперь наступили самыя трудныя времена для сѣверныхъ краевъ Руси. Шайки пановъ, литовскихъ людей и русскихъ воровъ—мятежниковъ, отогнанныя отъ Москвы и Сергіевой лавры, устремились съ разоренныхъ мѣстъ къ сѣверу. Влекомые жаждой добычи, грабя и разоряя по своему пути, они своею цѣлію имѣли Кирилловъ монастырь, гдѣ думали найти неисчислимыя сокровища. Вологда, Бѣлоозеро, Каргополь и Чарода были взяты, выжжены, народъ въ нихъ былъ порубленъ: на всемъ сѣверѣ осталась одна твердыня—обитель преподобнаго Кирилла. Три раза приступали соединенныя силы пановъ, литовскихъ людей и русскихъ казаковъ на монастырь, но безуспѣшно. Нападенія были отбиты и даже въ одинъ изъ приступовъ выстрѣломъ изъ пушки съ монастырскихъ крѣпостныхъ стѣнъ былъ убитъ непріятельскій военнопачальникъ. Монастырь былъ въ осадѣ болѣе пяти лѣтъ и за все время, хотя не съ одинаковою опасностію, держалъ себя наготовѣ для защиты и борьбы съ шайками, хозяйничавшими по окрестностямъ.

Въ смутѣ междуцарствія принимали участіе и русскіе люди, оскорбленные притѣсненіями несправедливыми отъ сильныхъ людей. Достаточно было для многихъ изъ нихъ услышать слово участія

*) Акт. Арх. Эксп. т. II, № 118.

и встрѣтить протянутую съ радшіемъ руку помощи, чтобы ихъ возмущенное сердце успокоилось и чтобы они, оставивъ свои „воровскія дѣла“, возвратились къ мирнымъ трудамъ. Кирилловъ монастырь, разбирая, принималъ пришельцевъ и бѣжалъ съ ними кусокъ хлѣба. Это пришло къ нему даже казаковъ непокорныхъ. „Былъ я въ монастырь вчера, рассказывалъ одинъ изъ ватаги монастырскому крестьянину, и пилъ, и ѣлъ, и квасъ-соль чудотворцеву помню и ты скажи, кто у васъ въ монастырь болшой...“, чтобы береглись въ монастырь „жарѣнко“. Въ декабрь 1614 года большіе полчища литовскихъ людей и русскихъ воровъ подъ предводительствомъ атамановъ обступили монастырь, желая его разграбить. Нѣкоторые изъ атамановъ и отрядныхъ казаковъ побывали въ монастырь для переговоровъ и, когда возвратились обратно, поклонившись чудотворцеву гробу и встрѣтивъ ласковый приемъ въ обители, не хотѣли идти на нее приступомъ, всѣхъ отговаривали отъ него, добръ радѣя о монастырь *). Такъ миротворно дѣйствовала Кириллова обитель на возбужденныя страсти русскаго народа въ эту тяжелую годину.

Общественно-государственное значеніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря останется недостаточно понятнымъ, если не сказать, чѣмъ былъ древне-русскій монастырь въ прежнее время. Мы привыкли думать, что иноческа обитель должна быть мѣстомъ молитвы и уединенія, и трудно намъ представить, что она могла быть чѣмъ-либо инымъ. Но вотъ предъ нами бѣлокаменная Кириллова обитель съ ея крѣпостными стѣнами и высокими башнями. Въ прежнее время—это помнятъ еще старожилы—на стѣнахъ, въ башняхъ и при входахъ въ монастырь стояли пушки, а Кирилловская оружейная палата была полна ратными досѣхами и военными снарядами. Для пустынножителей все это было излишне, но оно было необходимо для лицъ, которыя блюди безопасность родной страны. Древне-русскій

монастырь, до его преобразованія въ 1764 году, въ силу своего положенія, несъ на себѣ эту службу предъ государствомъ, такъ какъ онъ былъ и церковнымъ учрежденіемъ, и общественно-государственнымъ. Побуждаемые великою вѣрою къ преподобному Кириллу и къ дому Пречистыя Богородицы государи, князья, именитые и простые люди несли въ его святую обитель, какъ и въ другіе монастыри, свои вклады и чаще всего жертвовали земли съ крестьянами и земли безъ населенія, которыя быстро наполнялись пришлымъ народомъ. Монастырь волея-неволей оказался владѣтелемъ вотчинъ, т. е. земель съ населеніемъ, и разнаго рода промысловъ, напр. соляного, рыболовнаго и друг. Вотчины Кириллова монастыря находились почти во всѣхъ нынѣшнихъ великорусскихъ губерніяхъ, а число душъ крестьянскихъ въ XVIII столѣтіи простиралось въ нихъ до 23,000, такъ что онъ былъ однимъ изъ крупныхъ вотчинниковъ среди монастырей *). Государи особыми грамотами изъ уваженія къ обители освободили вотчинное населеніе и всѣхъ людей монастыря отъ суда (кромѣ разбоя и татбы съ поличнымъ) и повинностей мѣстнымъ управленіямъ, подчинивъ ихъ по суду и управленію вѣдѣнію властей монастыря. По духовнымъ дѣламъ монастырь подчинялся своему настоятелю, который вѣдалъ какъ иноковъ, такъ и церкви и духовенство монастырскихъ вотчинъ; онъ же съ братією вѣдалъ монастырь и его вотчины и въ гражданскихъ дѣлахъ. Въ силу такихъ условій потребовался въ подмогу монастырскимъ властямъ большой штатъ особыхъ чиновниковъ (слугъ и служебниковъ по древнему), которые бы, во первыхъ, командовали даточными людьми съ монастырскихъ вотчинъ на государевой службѣ военной; во-вторыхъ, были на доходахъ въ вотчинахъ и, въ третьихъ, исполняли служебныя обязанности, т. е. жили въ стрѣльцахъ при монастырѣ, были разнаго рода промышленными

*) Больше его имѣли три только монастыря: Троице-Сергіева лавра, Троице-Александровская лавра и Успенскій Трифоновъ монастырь.

*) Доп. къ Ист. акт. т. II, № 27.

людьми. Такимъ образомъ монастырь былъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ учрежденіемъ въ государствѣ и подчинялся во всѣхъ своихъ дѣлахъ непосредственно государю, къ которому ежегодно изъ Кириллова монастыря два раза—послѣ памяти преподобнаго Кирилла (9 іюня) и послѣ Успенія Пречистыя Богородицы (августа 15)—ѣздили со свитою водою Кирилловскіе настоятели (сначала игумены, и съ 1649 года архимандриты), иногда со старцами, постоянно участвовали въ церковныхъ и земскихъ соборахъ. На Москвѣ въ Кремлѣ для удобства сношеній съ правительствомъ Кирилловъ монастырь имѣлъ свое подворье—Аѳанасіевскій монастырь, управляемый строителемъ.

Но все это богатство и вся эта слава минули. Изъ многочисленныхъ вотчинъ не осталось, гдѣ бы монастырь могъ себѣ нарубить дровъ. Царскіе дары и вклады вельможъ исчезли. Книжныя богатства увезены вмѣстѣ съ остатками старины. Однѣ только стѣны, да обветшалыя зданія, тяготящія монастырь непосильной для него поддержкой, напоминаютъ о прошломъ величій обители преподобнаго Кирилла. Такъ мы умѣемъ хранить созданіе великой вѣры нашихъ отцовъ.

Въ 1892 году вся православная Русь, во главѣ съ Троице-Сергіевой лаврой, ознаменовала высокимъ духовнымъ торжествомъ пятивѣковую память преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца. Скоро уже, именно въ 1897 году, исполнится пятьсотъ лѣтъ, какъ преподобный Кириллъ Бѣлозерскій положилъ основаніе Кирилло-Бѣлозерскому Успенскому монастырю. Древній повѣствователь, рассказавъ о частыхъ и продолжительныхъ собесѣдованіяхъ преподобнаго Сергія и преподобнаго Кирилла между собою, замѣчаетъ, что оба они воздѣлывали одну ниву: одинъ пахалъ, другой орошалъ. Почтивъ одного, должно почтить и другого, и теперь настало уже время озаботиться, чтобы достойно встрѣтить приближающееся пятисотлѣтіе основанія Кирилло-Бѣлозерскаго мона-

стыря и тѣмъ почтить святыя труды и великіе подвиги преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца.

Н. Успенскій.